

На правах рукописи

Попов Дмитрий Владимирович

**УПРАВЛЕНИЕ ЖИЗНЬЮ:
ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ,
ПОТЕНЦИАЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ БИОПОЛИТИКИ**

5.7.8. Философская антропология,
философия культуры (философские науки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Омск — 2023

Работа выполнена в федеральном государственном казенном образовательном учреждении высшего образования «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Официальные оппоненты: **Агапов Олег Дмитриевич**
доктор философских наук, профессор, ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП)», профессор кафедры «Институты гражданского общества»;

Некита Андрей Григорьевич
доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого», г. Великий Новгород, профессор кафедры философии, культурологии и социологии;

Седова Наталья Николаевна, доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, руководитель Высшей школы медицинской гуманитаристики, профессор кафедры философии, биоэтики и права с курсом социологии медицины

Ведущая организация: ФГБун «Институт философии Российской академии наук», г. Москва

Защита состоится 27 апреля 2023 г. в 16:00 на заседании совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук 33.2.016.01, созданного на базе ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет» по адресу: 644099, г. Омск, Набережная Тухачевского, 14, каб. 214.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Омский государственный педагогический университет» https://omgru.ru/sites/default/files/files/dis/11013/dissertaciya_popov_dv.pdf

Автореферат разослан «__» февраля 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Варова Наталья Леонидовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Человек в современном мире располагает достижениями науки, которые позволяют ему конструировать экономику и социально-политические отношения, оказывать влияние на мир культуры. Научный, технический и технологический арсенал допускает возможность преобразовывать окружающую среду. Современные проекты биотехнологического улучшения человека (англ. human bioenhancement) ведут в мир конструирования человека и ключевых параметров его жизни. Человек захватывает все новые плацдармы в управлении жизнью. Это одна из важнейших сторон долгосрочного и широкомасштабного процесса, который М. Фуко обозначил термином «биополитика». Биополитика предстает как модель «управленчества» (фр. *gouvernementalite*), встраивающая человека в перманентно пересобираемый социальный проект. Рациональное использование возможностей и ресурсов, осознанный выбор — инструментарий управления жизнью человека, широко распространенный в современном мире. Однако всё чаще люди изъявляют желание взять жизненный процесс под полный контроль. Теоретики иммортализма (например, Р. Курцвейл) наяву реализуют план увеличения продолжительности жизни, полагая достигнуть времени технологического триумфа над смертью. Биохакеры экспериментируют над собой, воздействуя на жизненные процессы в организме. Спорадическое обращение к управлению жизнью стало системным, породив биовласть, целенаправленно обращенную к населению во всей полноте его жизненных проявлений.

Жизнь в биополитике — в первую очередь биологическая жизнь человека. Биологическая жизнь мыслится как резервуар энергии для социального конструирования в нужном направлении. В поле внимания биовласти попадает жизнь индивидуума и населения. Первая — медиализуется, нормализуется, дисциплинируется. Вторая — регулируется. Биовласть рассматривает биологическую жизнь как ценность и ресурс. Биовласть вмешивается в регулирование семейных, сексуальных, трудовых отношений; инвестирует в здоровье, поощряет нормальное, выгодное биовласти поведение; влияет на рождение, смерть, продолжительность и иные ключевые параметры биологической жизни. В определенном смысле биовласть выстраивает модель человека, «расщепляя» его на духовные, рациональные компоненты, с одной стороны, и биологическую жизнь — с другой. Биовласть абстрагируется от целостности человека и рассматривает «голую жизнь» (Дж. Агамбен) как объект изучения, воздействия, управления. Агамбенский *homo sacer* — версия человека, низведенного к голой жизни. Это приводит к реализации тотального контроля над жизнью в случае некровласти, но также подводит к осознанию необходимости реализации человекоутверждающей биополитики в интересах биовласти и населения.

Биополитическое управление жизнью исследуется в работах М. Фуко, Дж. Агамбена, Р. Эспозито, А. Негри, М. Хардта, А. Мбембе. Однако в мире, где биовласть укоренена, актуальным является понятие ее амбивалентную природу, пределы вмешательства в жизнь человека, возможные сценарии биополитики, потенциал конструктивного и деструктивного воздействия на жизнь человека, а также антропологические основания, породившие биовласть как форму управления жизнью человека. В связи с этим исследование обращается к проблеме сущности и форм проявления биополитики.

Степень научной разработанности проблемы

В проведенном диссертационном исследовании осуществлено комплексное изучение форм управления жизнью человека, среди которых особое внимание уделено биовласти как наиболее современному, склонному к тотализации и максимальной степени инвазивности способу обращения с жизнью. Несмотря на то, что вопросами управления индивидуальной и общественной жизни задавались со времен античности, понятие «биополитика» впервые было введено в научный оборот в 20-х гг. XX в. В ряде научных статей указанного периода обнаруживается нарастающий интерес к органическому истолкованию государства, что востребовало новую терминологию. Первое употребление данного термина совпадает по времени с появлением термина «геополитика». И то, и другое понятие можно встретить у пионера геополитики Р. Челлена. В дальнейшем, вплоть до середины 70-х гг. XX в., последовательно сменили друг друга три подхода к концептуализации биополитики: органический, антропологический и натуралистический, на что обращает внимание Р. Эспозито. Все три подхода так и не сформировали предметной области биополитики, представляя собой эклектичное нагромождение проблем, в рамках которых сопрягаются политическое, социальное и биологическое. Лишь с появлением серии исследований М. Фуко возникли предпосылки для того, чтобы предметная область биополитики приобрела четкие границы, а биополитический дискурс сформировался как оригинальный и обладающий значительным эвристическим потенциалом подход, обращающий внимание на теневые аспекты социальной жизни, составляющие слепое пятно для традиционного политико-философского и философско-антропологического рассмотрения жизни человека. Это позволило сформулировать представления о целях, принципах, моделях новой модели управленчества, в рамках которой регуляция жизни населения на основе достижений науки, статистики и организованной бюрократии заложила основы биовласти. Анализ специфики биополитики и положения человека в целом ряде биополитических пространств — клинике, тюрьме, психиатрической лечебнице — позволили М. Фуко выделить специфические черты биовласти.

Исследования М. Оякангаса, П. Кластра, Дж. Скотта, Р. Эспозито, А. В. Яркиева преодолевают рамки предложенной модели М. Фуко, связывавшего рождение биополитики с эпохой Модерн, и намечают возможности для построения более широкого представления о биополитике как феномене, сопутствующем истории человечества с древних времен, попытка чего осуществлена в настоящей работе. С этой целью проанализирована антропологическая литература (Дж. Даймонд, М. Дуглас, Дж. Скотт, К. Леви-Стросс, Б. Малиновский, М. Мосс, М. Салинз, Э. Эванс-Притчард), позволившая обнаружить древние биополитические практики.

Одной из важных задач исследования являлось построение теоретической модели форм отношения к жизни в целях определения места биополитики в их ряду. По вопросу определения границ жизни человека, в пределах которых уместно рассматривать биополитическое воздействие, изучены труды Аристотеля, А. Бергсона, Ф. Гваттари, Г. В. Ф. Гегеля, Э. Гуссерля, Ж. Делеза, Г. Зиммеля, И. Канта, Ф. Ницше, Платона, Х. Плеснера, М. Шелера, А. Шопенгауэра. Благодаря этим исследованиям были выявлены константы и вариативные элементы, позволившие различить формы эксплуатации природно-заданных свойств телесности, заботы о жизни и конструирования свойств телесности и основных параметров жизни человека.

Антропологические исследования древних и примитивных культур позволили определить особенности стадии эксплуатации человеческой телесности. Для анализа стадии заботы о теле и жизни был использован широкий круг философских, культурологических и исторических источников, среди которых можно выделить работы Ф. Арьеса, П. Бурдьё, Ф. Броделя, М. ван Кревельда, Н. Кристи, Р. Семлера, М. де Серго, Л. Уорсли, Л. Февра, Г. Хаггарда. Для исследования особенностей евгеники, существенно повлиявшей на биополитические практики XX в., были изучены труды Х. Арндт, Ф. Гальтона, Дж. Голдберга, Г. Гюнтера, А. Л. Каплана, Д. М. Ковба, М. Оякангаса, М. Саркисянца, Л. Стоддарда, М. Штолльайса, Р. Эспозито. Перспективы конструирования человеческой телесности и изменения основных параметров жизни исследованы в произведениях Ф. Ницше, В. С. Соловьева, Н. Ф. Федорова. Большое внимание этому аспекту уделяют теоретики технологической сингулярности, например В. Виндж, О. ди Грей, Р. Курцвейл. Особое значение имеет мировая и отечественная традиция биоэтики, в частности труды Р. Р. Билялетдинова, А. Бьюкенена, Г. Йонаса, Ф. Г. Майленовой, О. В. Поповой, П. Д. Тищенко, Дж. Харриса, Б. Г. Юдина, Н. Nowotny, G. Testa.

Исследование биополитического инструментария опирается на корпус сочинений, посвященных различным аспектам применения биополитических технологий воздействия на жизнь индивида и населения. Так, дисциплинари-

зация требует не только обращения к работам М. Фуко, но и к «полицейской науке» (нем. Polizeywissenschaft) и переосмыслению этой традиции в трудах И. Г. Фихте и Г. В. Ф. Гегеля, а также к современным исследованиям по полицеистике (О. В. Кильдюшов, А. Ф. Филиппов, М. Штолльайс). Экспликация инструментария практической идеализации потребовала изучения произведений Д. А. Давыдова, С. Ф. Денисова, И. Иллича, Л. Мамфорда, В. В. Николина, К. Поланьи, Б. Ф. Скиннера. Инструментарий иммунизации выявлен на основании исследований Ж. Деррида, Дж. Комарофф, Ф. Ницше, С. Сонтаг, Р. Эспозито.

Особый вклад в развитие биополитики и биовласти внесли Дж. Агамбен, Р. Брайдотти, А. Мбембе. Так, Дж. Агамбен не только сформулировал диспозитив «голой жизни», сформировал представление о лагере как номосе современного мира, выявил биополитическое основание современной экономики (восходящей к ойкономии античного домашнего хозяйства), разъяснил практики использования тел, но и обратил внимание на политико-геологические импликации, проявляющие себя в формах взаимодействия биовласти и населения, в частности в «стасисе» (в значении напряженного взаимодействия, латентной гражданской войны). Корпус сочинений Дж. Агамбена способствовал построению теоретической модели форм взаимодействия биовласти и населения, а также теоретической модели биополитического пространства и его специфических особенностей.

А. Мбембе ввел в оборот понятие некровласти и некрополитики. Труды Р. Брайдотти развивают идеи А. Мбембе в приложении к технократическому обществу, что позволяет эксплицировать тенденции, ведущие к трансформации биополитики в некрополитику. Тематику некрополитики развивают R. Guy Emerson, P. T. Clough, B. Massumi, E. Thacker, E. Weizman. Данные исследования позволяют создать разветвленную модель биополитических стратегий управления жизнью. Образ глобальной биополитики представлен в работах С. Жижека, А. Негри, М. Хардта.

Биополитическое пространство и способы его организации в различных аспектах исследованы Дж. Агамбеном, А. Мбембе, М. Фуко. Необходимым элементом для реконструкции некровласти и способа ее осуществления являются труды Х. Акиямы, Ж. Амери, Х. Арендт, Б. Биттельгейма, П. Леви, С. Моримур, В. А. Подороги, Т. Снайдера, В. Франкла, В. Т. Шаламова. Важнейший вклад в развитие биополитического дискурса внесли М. Хайдеггер и Х. Арендт, корпус сочинений которых позволяет понять предпосылки возникновения биовласти в Новое время, а также специфические черты биополитики в развитом технократическом обществе, создающем условия для трансформации человека в рамках господства по-става, превращающего человека в придаток техники, в *animal laborans*.

Антропологические основания биополитики невозможно выявить без анализа форм межличностного взаимодействия, инкультурации, социализации, нормообразования, трансформации ценностей. Процессы включения и исключения человека на уровне социальных институтов исследованы Д. Аджемоглу и Дж. Робинсоном. Глубинный уровень организации человеческих сообществ на основе включения/исключения позволяют понять труды антропологов Р. Бенедикт, М. Дуглас, а также школа антипсихиатрии и, в частности, исследования Ф. Базальи, Г. Бейтсона, И. Гофмана, Д. Купера, Р. Лэйнга, Т. Саса, Т. Шеффа, А. Эстерсона.

Изучение взаимодействия биовласти и населения опирается на исследования Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Дж. Локка, Н. Макиавелли, концепта «заботы о себе» М. Фуко и «работы на себя» М. де Серто, теории фреймов Г. Бейтсона и И. Гофмана, теории габитусов П. Бурдьё, актор-сетевой теории Б. Латура, теории власти и массмедиа Н. Лумана. Исследование становления технобиовласти и трансформантропной биополитики потребовало изучения работ Дж. Баррата, Н. Бострома, М. Деланды, Ш. Зубофф, Н. Карра, Р. Курцвейла, К. Малабу, М. Форда, С. Фуллера, Э. Юдковски. Развитие идей возможных сценариев трансформации человека под воздействием биовласти базируется на воззрениях Ж. Батая, Р. Брайдотти, А. А. Зиновьева, А. Кожева, Ф. Фукуямы, Д. Харавей, Ю. Н. Харари, М. Эпштейна.

Концептуальное единство при рассмотрении биополитики как способа функционирования биовласти стало возможным благодаря исследованиям Дж. Агамбена, И. Канта, А. Мбембе, Ф. Ницше, М. Фуко, Р. Эспозито, А. В. Яркоева. Благодаря обращению к разнообразным течениям в философии (онтологии, философской антропологии, политической философии), а также к работам в области биологии (Э. Уилсон), нейронаук (М. Газзанига, Н. Дойдж) стало возможным построить теоретическую модель биовласти, способов ее функционирования и воздействия на жизнь человека и населения.

Объект исследования: человек и его жизнь в поле властного управленческого воздействия.

Предмет исследования: антропологические, культурные и социальные проблемы биополитического конструирования человека, отражающие телеологические, ценностные, научно-технические и организационно-бюрократические формы управления жизнью человека, характерные для биовласти.

Цель исследования — осмысление с точки зрения философской антропологии практик биополитического конструирования человека как в направлении усиления его жизнеспособности, так и в направлении снижения его жизненного потенциала.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих **задач**:

- выявить исторически сложившиеся формы отношения человека к жизни; установить предпосылки конструирования человеком параметров собственной жизни; определить условия для появления биополитики; исследовать историко-философское содержание понятия биополитики; обосновать представление об античной биополитике; продемонстрировать связь между политическими, социальными и культурными условиями Модерна и экспансией биополитики;

- раскрыть биополитический инструментарий воздействия на жизнь человека; рассмотреть стратегии биополитического регулирования жизни индивида и совокупного населения; систематически описать содержание и возможные последствия реализации биополитических сценариев управления жизнью; сформировать представление о потенциале биополитики;

- выявить философско-антропологические основания биополитики; продемонстрировать, каким образом диалектика включения/исключения, масштабируясь, способствует формированию различных биополитических стратегий управления жизнью населения; определить пределы конструктивного воздействия биовласти на жизнь человека; выявить антропологические основания деструктивного воздействия биовласти на человека;

- исследовать действительные и возможные отношения между биовластью и населением; продемонстрировать модели взаимодействия биовласти и населения; определить условия и последствия современного биополитического кризиса, а также возможности биополитической революции; продемонстрировать инвариантность напряжения в отношениях биовласти и населения как фундаментальное основание биополитики;

- исследовать влияние диспозитива знания-власти на биополитику; продемонстрировать экспансию биовласти на основе статистики, развития средств паноптизма; раскрыть конструктивный и деструктивный потенциал реализации идеи паноптизма как констелляции знаний о человеке;

- представить модели трансформации человека и основных параметров его жизни в процессе биополитического управления; проанализировать футурологические представления о трансформации человека; выявить инварианты, к которым может свести развитие человека биовласть; оценить потенциал биовласти в отношении раскрытия человечности/бесчеловечного в жизни людей.

Теоретико-методологическая основа исследования

В исследовании использовался комплексный подход, сочетающий элементы дискурса-анализа, археологии знаний, методологии конструктивизма

(в частности, акторно-сетевой теории Б. Латура, теории развития аутопоэтических систем У. Матурана и Ф. Варела), а также диалектику в ее традиционном виде и в качестве «диалектики на месте» в интерпретации Дж. Агамбена. Существенные аспекты работы восходят к проблематике классической метафизики: диалектике субъекта и объекта; пределов познания; влияния праксиса на познание, ценности, идеалы и нормы. Сквозной нитью через исследование проходит диалектика противоречия, в рамках которой осмысливается амбивалентность жизни и смерти, нормального и ненормального, установленного и чрезвычайного.

Поскольку диссертационная работа носит комплексный характер, охватывая ряд разноуровневых проблем, связанных с управлением жизнью индивида со стороны биовласти, возникла необходимость в комбинированном применении взаимодополняющих методов исследования. Изучение процесса возникновения биополитики потребовало обращения к сравнительно-исторической методологии, что позволило сформировать историко-хронологическую модель развития биополитики. Формирование теоретической модели форм отношения человека к собственной жизни потребовало обращения к различным дискурсам (антропологические исследования примитивных обществ, исследования в области военной теории, а также развития медицинских технологий и культуры повседневности).

Диссертационное исследование потребовало изучения современных исследований в области футурологии, философской антропологии и политической философии. Обращение к археологии знаний М. Фуко связано со стремлением использовать потенциал фуколдианского подхода к реконструкции интеллектуального содержания различных срезов представлений (дискурсов) в отношении одного и того же объекта исследования. Следуя М. Фуко, археологическое описание представляет собой систематический отказ от истории идей ради экспликации скрытого пласта закономерностей, позволяющих выявить структуры, определяющие отношения между исследуемыми объектами. Археологический анализ способствует извлечению из разрозненных кластеров-архивов представлений человека знания, позволяющего продуктивнее рассмотреть заявленную проблему. Археология знаний определяет дискурсы в их специфичности, что позволяет обнаруживать неочевидные модальности уже известных теоретических положений. Археолог знаний стремится к опознанию подлинного состояния обнаруженной вещи и к сохранению этой данности в фокусе внимания. Именно археология знаний позволила расширить представление о времени возникновения биополитических практик, отнеся его к античности. Кроме того, дискурс-анализ в сочетании с археологией знаний позволил обнаружить вариабельность инклюзивного/экслюзивного отношения к человеку при рассмотрении

оснований различных биополитических стратегий. Обнаруженное в исследованиях антипсихиатров представление о балансе отнесенности/отделенности личности оказалось коррелятивно обнаруженной в социологии Н. Лумана и экономической аналитике Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона логике инклюзии/экслюзии в динамике функционирования социальных институтов. В результате возникла философско-антропологическая модель, связывающая между собой межличностные отношения, процессы социализации и инкультурации, а также формы биополитического вмешательства в жизнь индивидов.

В целях анализа инструментов биовласти в постоянно изменяющейся социальной среде были применены понятийный аппарат и выявленные закономерности акторно-сетевой теории Б. Латура, дополненные диспозитивами «заботы о себе» М. Фуко и «работы на себя» М. де Серто. При рассмотрении проблематики взаимодействия биовласти и населения были использованы средства «диалектики на месте» Дж. Агамбена, позволяющие интерпретировать отношения биовласти и населения как непрерывающуюся перманентную борьбу, напряжение, позиционную гражданскую войну (гр. *stasis*) без возможности перехода на уровень снятия этого противостояния в каком-либо ином состоянии, что предполагает традиционная диалектика. При рассмотрении биополитических пространств плантации, тюрьмы, казармы, тоталитарного и рыночного общества помимо ситуативной методологии широко применялись диспозитивы «голой жизни» и лагерного способа организации социального пространства Дж. Агамбена. Основанием для построения теоретической модели технобиовласти и трансформантропной биополитики стали диспозитивы «знания-власти» и «панграфического паноптизма», позволившие в разнородных практиках полицейского государства, тейлоризма, аналитики «больших данных», развития средств автоматизации и технологий искусственного интеллекта обнаружить общее основание и специфическую логику «машинного филума» (Ж. Делез, Ф. Гваттари), коррелятивную идеалу Паноптикона как прозрачного и совершенно управляемого общества.

Опыт построения отрицательной антропологии В. А. Подороги в сочетании с моделью некровласти А. Мбембе позволил осуществить репрезентацию некрополитики как деструктивной биополитической стратегии. Одной из особенностей диссертационного исследования стало обращение к жанрам художественной и визионерской литературы, что позволило сформировать прогностическую модель возможных сценариев трансформации человека под воздействием биовласти в будущем.

Сочетание элементов различных методологий, объединяющим началом которых выступала проблемоцентристская установка, единая цель и задачи

исследования позволили сформировать общую философско-антропологическую модель, в которой сопряжены человек, биовласть и технологическое развитие. Применение комплексного подхода подготовило почву для обоснования положения, согласно которому биополитика вносит свой вклад в углубление знаний о человеке.

Научная новизна

Научная новизна диссертации определяется исследуемой проблематикой и поставленными задачами. В результате проведенного исследования:

1) показано, что, несмотря на преобладающий взгляд на биополитику как явление Нового времени, биополитические регуляторы и диспозитивы можно обнаружить в эпохах Возрождения, Средневековья и Античности. Биополитика Нового времени, опирающаяся на развитие науки, технологии и организованной бюрократии, позволила уже апробированным инструментам, известным со времен возникновения «зернового государства» (Дж. Скотт), стать повсеместными. Особое значение в исследовании отведено евгенике как фактору, определившему переход от развитого общества заботы о жизни к обществу конструирования телесности и основных параметров жизни индивидов. Именно евгенические воззрения и практические импликации из нее предопределили биополитические практики XX в.;

2) эксплицирован инструментарий биополитического воздействия на жизнь населения. Среди биополитических инструментов выделены и систематически рассмотрены дисциплинаризация, регуляция, медиализация, нормализация, индоктринация, практическая идеализация и иммунизация;

3) определены различные биополитические стратегии, основанные на широко понимаемых основаниях инклюзии и эксклюзии человека с учетом либо без учета его человеческого потенциала, когда индивид понимается исключительно или по преимуществу как ресурс для реализации телеологии биовласти;

4) показано, что целостное философское понимание биовласти возможно лишь при условии воссоздания философско-антропологической модели с учетом ценности человека в обществе и основных параметров отношений между людьми. Продемонстрировано, что в рамках человекоутверждающей биополитики человек рассматривается не только как ресурс биовласти, но и как целостная личность, что обусловлено расчетом биовласти на значительно большую отдачу от населения при условии заботы о нём и инвестировании в него. Напротив, человекоотрицающая биополитика нивелирует ценность личности и в своей предельной форме некрополитики низводит человека к «голой жизни» (Дж. Агамбен), воспринимаемой исключительно как ресурс;

5) смоделировано взаимодействие биовласти и населения, формами которого являются торг, шантаж и гражданская война, выражающие различные степени напряженного взаимодействия контрагентов в процессе непрекращающегося давления друг на друга;

6) исходя из диспозитива «знания-власти» продемонстрировано усиление биовласти в процессе развития науки, техники и технологий. Современный мир приближается к идеалу всеобщего Паноптикона (И. Бентам), в рамках которого управление и контроль за населением со стороны биовласти становятся всё более всепроникающим, манипулятивным и скрытым, а трансформация человека всё более значительной;

7) показано, что новой форме биовласти — технобиовласти — соответствует трансформантропная биополитика, логика развития которой соответствует машинному филуму (Ж. Делез, Ф. Гваттари). Явление технобиовласти представляет собой вызов для человечества, поскольку наряду с возможностью реализации сценария превращения человека в *homo deus* существует ряд контрпродуктивных сценариев трансформации человека.

Основные положения, выносимые на защиту

1. В ходе истории друг друга сменяют три формы отношения человека к собственной жизни: биохрисия, основанная на эксплуатации естественных (при-родных) возможностей телесности; биоанисихия, представляющая социально-обусловленную совокупность средств заботы о человеческом теле и жизни; биоургия, в рамках которой посредством достижений науки, техники и технологии осуществляется конструирование основных параметров жизни. Биополитика возникает как политико-правовое расширение биоанисихии, эксплуатируя заложенное еще в Античности представление о «заботе о себе», спроецированное на отношение биовласти к населению. На этапе биоургии, начало которого следует связать с распространением евгенических теорий XIX в. и соответствующих им практик, биополитика становится проводником идей конструирования человека и закрепляет их в области социальных отношений. Биовласть на этапе биоургии становится агентом трансформации человека.

2. Несмотря на то, что понятие «биополитика» впервые появляется во второй декаде XX в., биополитика как явление встречается уже в Античности. Теоретические разработки Платона и Аристотеля, а также широкая практика управления жизнью населения полиса свидетельствуют о биополитическом регулировании в античной Греции. Приостановленные в раннехристианских общинах биополитические формы регулирования жизни восстанавливаются в эпоху Ренессанса. Новое время интенсифицирует применение биополитических регуляторов, что связано как с политическими преобразованиями, так

и с развитием науки, техники, бюрократии и статистики. Биовласть становится сетью биополитического контроля за жизнью населения. Теоретический дискурс и практики биополитики регулируют различные стороны управления социальной и культурной жизнью населения, содействуя укреплению власти посредством инструментария: медиализации, дисциплинаризации, нормализации и нормирования, регуляции, стимулирования, практической идеализации, индоктринации и иммунизации. Выполняя функции формирования привычек; стандартизации; вовлечения и исключения из культурного поля и социальной коммуникации; формирования жизненных ориентиров; отбраковки и искоренения невыгодных для власти паттернов поведения, биополитический инструментарий способствует целенаправленному управленческому воздействию на жизнь населения, формируя культурные, социальные и политические тренды, соответствующие телеологии биовласти.

3. Биополитика амбивалентна с позиций стратегии управления и дихотомична с позиций антропологии личности. Обратной стороной биополитики как управления жизнью населения выступает основанная на отбраковке и исключении танатополитика, которую следует рассматривать как управление посредством насилия и смерти. Основными стратегиями биополитики являются конфирмантропная биополитика, в которой раскрытие потенциала жизни максимализируется, а применение насилия минимизируется, и негантропная биополитика, в рамках которой допускается исключение части (большинства) населения из поля заботы биовласти. Крайней формой негантропной биополитики становится некрополитика, культивирующая насилие вплоть до крайних форм истребления одной части населения во имя интересов другой его части.

4. Антропологическим основанием биополитики является модификация форм инклюзии/эксклюзии индивида, коррелятивная мере отнесенности/отделенности человека по отношению к Другому. Соблюдение меры отнесенности/отделенности позволяет вовлекать индивида в социальное пространство, сохраняя творческий потенциал живой, автономной, инициативной личности. Несоблюдение меры отнесенности/отделенности в сторону полюса слияния либо полюса изоляции индивида способствует исключению личности и постепенному превращению индивида в «голую жизнь» (Дж. Агамбен). Антропологической дихотомии включения/исключения соответствует биополитическая логика конфирмантропной/негантропной стратегий. Топосы биополитики (тюрьма, казарма, психиатрическая лечебница и т. д.) имеют инвариант и формируют целостное биополитическое пространство, возникающее не в результате инклюзии индивидов, а в результате исключения homo sacer (Дж. Агамбен). Тотальность биополитического пространства, сформированная вокруг фигуры исключенного, позволяет масштабировать

его, достигая предела в тоталитарном или консьюмеристском обществе. Основой инклюзивного сообщества в рамках стратегии конфирмантропной биополитики является *homo comes* (лат. попутчик, компаньон).

5. Между биовластью и населением существует перманентное отношение напряжения, взаимного давления, борьбы. С одной стороны, биовласть, стремясь реализовать собственную телеологию, нуждается в населении. С другой стороны, биовласть не стремится инвестировать в население впустую, перекладывая издержки на него. В этом выражается «хитрость» биовласти, манипулирующей населением и его интересами. Население, участвуя в проектах биовласти, приходит к пониманию того, что биовласть нуждается в нём. Неразрывная связь биовласти и населения влечет усиление требований со стороны населения и уступки со стороны биовласти. Торг и шантаж как практики отношения биовласти и населения являются реальными формами выражения взаимного давления контрагентов. Апофеоз этого встречного давления представляет *stasis* — гражданская война, в которой объединяются как страх от разрушительных последствий непримиримой борьбы, так и созидательное начало компромисса, временно уравнивающего требования сторон вплоть до следующего витка эскалации напряжения.

6. Диспозитив «знания-власти», тяготеющий к идеалу «панграфического паноптизма» (М. Фуко), формирует тренд трансформации возможностей и средств учета, контроля и управления населением, характерный для Нового времени и особенно для современной цивилизации. Формирование статистики, полицейского государства как государства заботы биовласти о населении ради достижения собственных целей, введение системы тейлоризма как научного менеджмента труда являются этапами на пути к полномасштабному и эффективному биополитическому управлению населением со стороны биовласти. Технологии автоматизации, аналитики «больших данных», искусственного интеллекта формируют особую форму биополитики — трансформантропную биополитику. Технобиовласть как агент трансформантропной биополитики, соответствуя логике развития машинного филума (Ж. Делез, Ф. Гваттари), оптимизирует управление жизнью населения, устремляясь к идеалу Паноптикона как модели совершенно контролируемого, управляемого общества, состоящего из сконструированных по его лекалам индивидов.

7. Биовласть на пути к технобиовласти переживает биополитический кризис, связанный с достижением, с одной стороны, пределов уступок, на которые может пойти биовласть ради достижения собственных целей, с другой — пределов требований, которые население способно предъявить биовласти. Невозможность возрастающих требований со стороны населения в отношении биовласти порождает ряд негативных сценариев, на которые

в таких условиях способна пойти биовласть. Во-первых, это сценарии негнтропной биополитики, в рамках которой осуществляется откат к различным констелляциям эксплуатации, дифференциации, дискриминации, отбраковки тех или иных категорий населения. Во-вторых, эта тенденция может быть усилена возрастающей технологической оснащенностью биовласти. Технобиовласть может прийти к технологическим решениям, в рамках которой забота о населении перестанет быть целью технобиовласти ввиду наличия технических средств достижения поставленных целей без широкомасштабного участия населения. В таком случае биополитическая революция, выражающаяся в возрастающем давлении населения на биовласть в целях удовлетворения всевозрастающих требований населения, может завершиться контрреволюцией и лишением населения тех достигнутых привилегий и уровня жизни, которые сложились как компромисс между интересами биовласти и населения.

8. Развитие различных сценариев биополитики влечет ряд возможных сценариев трансформации человека и его жизни. Во-первых, возможно осуществление сценария *homo deus*, в рамках которого трансформантропная биополитика преобразует телесность и жизнь человека таким образом, что он, опираясь на технобиовласть, более не испытывает ограничений, тяготивших человечество (например, голод, болезни, война, нужда). Обратной стороной является осуществление сценария *homo daemon*, в рамках которого технобиовласть реализует свой потенциал либо контрпродуктивно для всего человечества, либо во благо одних за счет других. Такой сценарий соответствует устойчивой негнтропной биополитики исключения. Еще двумя сценариями могут стать трансформация человека в *homo formica* либо *homo animalis*. В рамках первого сценария человек как личность и индивидуальность растворяется в новейшем суперорганизме. Во втором случае человек утрачивает человечность, обретая животность на путях наслаждения, праздности и отсутствия целеустремленности. Амбивалентность биополитики в отношении будущего человека проявляется в наивысшей степени, заключая в себе возможности противоположных сценариев, как способствующих, так и препятствующих раскрытию человеческого потенциала.

9. Биополитика является расширением поля антропологических исследований человека. Биополитика исторически предстает как форма испытания населения, раскрытия его потенциала. Биовласть в своих практиках опирается на апробированные способы обращения с населением, за которыми скрывается знание о природе человека, раскрывающее его потенциал социально-приемлемым образом. Биополитика моделирует образцы, стандарты, эталоны, ориентируясь на которые индивидуум обретает практический ответ на вопрос о возможном и должном поведении. Биополитика предстает

в качестве континуума инструментов, институтов и фреймов, направленных на формирование габитусов, удобных как для биовласти в рамках ее телеологии, так и для человека, инкорпорирующегося в социальную среду.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Диссертационная работа, опираясь на комплексный подход, дополняет уже сложившиеся теоретические представления о возможных способах управления жизнью исследованием специфического инструментария биополитики, разворачивающегося как констелляция средств заботы о жизни населения со стороны власти, но имеющая потенциал принуждения, дифференциации, дискриминации и даже отбраковки неугодных категорий людей. Исследование разрабатывает новый теоретико-концептуальный подход к анализу актуальных философско-антропологических, этико-философских и социальных проблем отношений власти и населения, понимаемых в перспективе отношений биовласти к человеку и основным параметрам его жизни. Диссертационное исследование вводит ряд понятий (биохрися, биоанисихия, биоургия; конфирмантропная биополитика, негантропная биополитика), позволяющих уточнить способ и механизм воздействия биовласти на жизнь индивида и населения. Рассмотрение антропологических оснований биополитики проливает свет на оценку возможных последствий того или иного сценария биополитического воздействия на индивида и население, что позволяет выявить на ранних стадиях тенденции, свидетельствующие о формировании долгосрочного негативного сценария, создающего угрозу для жизни человека.

Диссертационное исследование представляет особую ценность для научного сообщества, философов, антропологов, правоведов, политиков, управленцев и других заинтересованных лиц, оказывающих влияние на принятие решений относительно выбора методов, инструментов и средств воздействия на человека в целях модификации его социального поведения в направлении, желательном с точки зрения общества и государства. Понимание того, что амбивалентное воздействие биополитического инструментария способно привести как к конструктивным, так и к необратимо-деструктивным последствиям, позволяет говорить о важной этической и гуманистической миссии настоящего исследования.

Практическая значимость исследования заключается в разработке теоретико-концептуальных подходов, направленных на уяснение связи между антропологическими характеристиками биополитики, потенциалом современных технологий и предпочтительными сценариями биополитического управления жизнью с целью снижения рисков гуманитарных катастроф.

Результаты исследования могут быть использованы в разработке инновационных программ, направленных на вовлечение населения в социальные процессы, способствующие увеличению благосостояния и раскрытию

человеческого потенциала; в образовательной деятельности при создании учебных курсов в системе высшего образования.

Апробация результатов исследования

Основные идеи исследования представлены в монографии автора «Биовласть и жизнь: философско-антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики» (Попов Д. В. Биовласть и жизнь: философско-антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики. — Омск : Омская академия МВД России, 2021. 144 с.).

Результаты диссертационного исследования были изданы в 51 научной публикации. Тридцать четыре научные статьи входят в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК, из них три научные статьи индексируются в международных базах цитирования Web of Science и Scopus. Основные положения и идеи исследования обсуждались на международных и всероссийских конференциях, семинарах, симпозиумах и круглых столах:

– на презентации тематического номера журнала «Человек» «Этика, антропология риска, медицина катастроф» (23 декабря 2020 г., Институт философии РАН, журнал «Человек»); презентации специального номера журнала «Человек» «Редактируя человека» (28 декабря 2021 г., Институт философии РАН, журнал «Человек»);

– теоретическом семинаре сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН «Философские основания биоэтики» (28 января 2021 г.), где диссертант выступил с докладом на тему «Биовласть и жизнь: философско-антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики»;

– XXVII Международном симпозиуме «Пути России. Биополитика и солидарность» (МВШСЭН совместно с ЦФС ВШЭ; 24–25 сентября 2021 г.);

– междисциплинарной научной конференции «Политическая теология советского модерна: от революционных доктрин посюстороннего спасения к культурным практикам социалистического строительства» (18–19 марта 2022 г., Центр фундаментальной социологии НИУ ВШЭ);

– Международной научной конференции «Философские контексты современности: принцип ratio и его пределы» (Ижевск, Удмуртский государственный университет, Удмуртский филиал УрО РАН, 28–29 февраля 2020 г.);

– Всероссийской научной конференции с международным участием ФИКОС-2022 «Философские контексты современности: искусственный интеллект и интеллектуальная интуиция» (25–26 февраля 2022 г., Ижевск, Удмуртский государственный университет, Удмуртский филиал УрО РАН);

– Пятых Лемовских чтениях (Международная научная конференция памяти Станислава Лема; Самара, Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королева, 5–7 ноября 2020 г.);

- Шестых Лемовских чтениях (Международная научная конференция памяти Станислава Лема; Самара, Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королева, 29–31 марта 2022 г.);
- Девятой международной научной конференции «Онтология и аксиология права» (Омск, Омская академия МВД России, 2019);
- Десятой международной научной конференции «Онтология и аксиология права» (Омск, Омская академия МВД России, 24–25 октября 2021 г.);
- II Всероссийской междисциплинарной научной конференции «Познание и деятельность: от прошлого к настоящему» (Омск, Омский государственный педагогический университет, 3 декабря 2020 г.);
- III Всероссийской научной конференции «Познание и деятельность: от прошлого к настоящему» (Омск, Омский государственный педагогический университет, 11 ноября 2021 г.);
- круглом столе кафедры философии и гуманитарных дисциплин УдГУ совместно с Удмуртским филиалом Института философии и права УрО РАН «Хронополитика как политическая онтология времени (биополитический аспект)» (12 декабря 2020 г.);
- Восьмой всероссийской научно-практической конференции «Религиозная ситуация в российских регионах» (Омск, Омская академия МВД России, 19–20 октября 2022 г.);
- X Международном интердисциплинарном научно-практическом симпозиуме «Медицинская антропология современности: специфика, цели, возможности» (Москва, 27–30 октября 2022 г.).

Структура работы

Структура диссертации определена объектом, предметом, целью и задачами исследования, а также логикой изложения материала. Она включает введение, основную часть, состоящую из четырех глав, объединяющих 15 параграфов, заключение, список использованных источников и три приложения. Работа выполнена в объеме, предусмотренном Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. Общий объем текста диссертации составляет 388 страниц. Список использованных источников включает 293 позиции.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования; дается представление о степени исследования проблемы; формулируются предмет, цели и задачи исследования; выдвигаются положения, выносимые на защиту;

рассматривается методология исследования; демонстрируется научная новизна, теоретическая и практическая значимость полученных результатов.

В **первой главе «Жизнь как объект управления»** проведено исследование форм отношения человека к жизни, в ряду которых выделены биохри́сия, основывающаяся на эксплуатации природных свойств тела и психики; биоанисихия, в рамках которой развивается социальная сеть инструментов заботы о жизни; биоургия, обращенная к конструированию тела и радикальному видоизменению основных параметров жизни. Рассмотрены особенности индивидуальной и социальной жизни человека в рамках биохри́сии и биоанисихии. Продемонстрирован преобразовательный потенциал заботы о жизни, характерный для биоанисихии. Выявлены предпосылки трансформации биоанисихии в биоургию, обусловленные формированием научно-технических, рационально-бюрократических и социально-экономических практик управления обществом. В качестве переходного элемента от биоанисихии к биоургии рассмотрена евгеника, основной интенцией которой стало улучшение природы человека. На примере нацистской биократии показан деструктивный потенциал намеренного биоургического вмешательства в преобразование человека. Катастрофические последствия нацистской евгеники интерпретированы как вызов биоургии, требующий внимательного отношения к рискам конструирования человеческой телесности и жизни. В рамках возрождения в послевоенном мире так называемой либеральной евгеники рассмотрены перспективы современных биотехнологий.

В *первом параграфе первой главы «Жизнь как предпосылка биополитики»* определяются границы жизни, подверженной властному воздействию. Исходя из представления, что жизнь человека простирается в широком диапазоне от квинтэссенции органических проявлений, мыслимых как «жизненный порыв» (А. Бергсон), до полета творческой мысли, предельно далекого от биологических процессов, анализируются телесные, психические и сознательные проявления жизни человека. Для этого используется концепт «тела без органов» Ж. Делеза и Ф. Гваттари. Тело без органов как прото-жизнь («яйцо») и пост-жизнь («труп») позволяет наметить временные границы жизни. Обращение к теоретическим построениям Э. Гуссерля и Г. Плеснера позволяет различить тело-корпус (Körper) и тело-плоть (Leib) как пространственные границы жизни, а также условия объектности и субъектности человека. Наличие собственного тела-плоти является основанием для более высоких над-органических ступеней человеческой жизни. Рассмотрение таких свойств человека, как эксцентичность (Х. Плеснер) и интенциональность (Э. Гуссерль), позволяет установить предел возможностей человеческой духовной жизни в форме сознания без тела. В качестве важного атрибута жизни рассмотрен феномен пластичности. На основе исследований

У. Матураны и Ф. Варелы об адаптивных возможностях аутопоэтических систем; Э. Уилсона о фенотипической пластичности; Н. Дойджа и М. Газзаниги о нейропластичности; К. Малабу о социальной пластичности демонстрируется потенциал изменчивости жизни, являющийся основанием для биополитического управления человеком. Был сделан вывод, что диапазон от тела без органов до сознания без тела и есть пространство человеческой жизни, в отношении которого осуществляется управление со стороны биовласти, осуществляющей биополитику.

Во втором параграфе первой главы «От эксплуатации природных возможностей к заботе о жизни» рассмотрены две формы отношения человека к жизни — биохрисия (жизне-пользование — от гр. βίος — жизнь и χρῆσις — использование), основанная на эксплуатации природных возможностей человеческого организма, и биоанисихия (забота о жизни, от гр. ἀνῆσυχία — забота, беспокойство, уход), связанная с формированием культуры (материальной и духовной) заботы о теле и жизни. Режим биохрисии соответствует естественному телу. Это стадия безыскусной телесности, несущей в себе всё необходимое для своего существования. На примерах из жизни общества охотников и собирателей с опорой на исследования М. Салинза, М. Мосса, Дж. Даймонда, Дж. Скотта продемонстрирована жизнь человека, соответствующая этапу биохрисии. Сделан вывод о том, что значительную часть истории человечество эксплуатировало возможности собственной телесности. Процесс перехода к парадигме ухода за телом, отмеченного бережливостью, экономией и заботой, — явление недавнего времени. Проанализирован переход от биохрисии к биоанисихии. Рассмотрены примеры трансформации отношения к собственному телу, сексуальности, труду, войне, праву и наказанию, характерные для биоанисихии. Сделан вывод о том, что биоанисихия затронула все стороны жизни человека и развивалась в направлении от ухода к облагораживанию тела. Именно в рамках биоанисихии сформировалась устойчивая прямая и обратная связь между жизнью человека, биологией в широком смысле слова как знаниями о жизни и биотехнологиями как прикладными следствиями этих знаний.

В третьем параграфе первой главы «Евгеника как проект улучшения жизни» рассмотрена революционная стратегия облагораживания тела, характерная для биоанисихии, а именно евгеника. Евгеника является промежуточным звеном между биоанисихией и биоургией (жизне-творение, от гр. ἔργον — действие, работа) как формой конструирования телесности и основных параметров жизни человека. Для евгеники в рамках решения проблемы отношения среды и наследственности (nature versus nurture) приоритетна наследственность. Евгеника стремилась создать технологию искусственного отбора в целях усовершенствования человека. Умеренная

евгеника стремилась к синтезу духовной и физической культуры, например, в приложении к институту брака. Радикальная версия евгеники устремилась к созданию неоаристократии и стала вести борьбу с «вырождением». Появилась как положительная, так и отрицательная евгеника. Особой вехой на пути евгеники стали 30–40-е гг. XX в. Следуя за Б. О. Морелем, Л. Стоддардом, М. Нардау, нацистская бюрократия (*nazi biogasy*, Р. Эспозито) последовательно и закономерно пришла к катастрофе Холокоста. Именно в Германии отрицательная евгеника приняла форму «расовой гигиены», вобрав в себя идеи Ч. Ломброзо, Х. С. Чемберлена, Ж. А. Гобино и других евгенистов, криминологов, психиатров и юристов. Послевоенное осознание произошедшей гуманитарной катастрофы наделило евгенику дурной славой. Однако прошло время, и прогресс медицинских технологий вновь вывел на сцену многочисленные проекты, направленные на преобразование человека. Евгеника возрождается. Одной из сторон исследуемой проблемы стало то, что первую половину XX в. можно рассмотреть под углом борьбы евгенических проектов. По сути, каждая из конкурирующих идеологий, заявивших о себе на международной арене в начале XX в., предлагала свой проект «нового человека». В качестве противоборствующих сторон рассмотрены аристократический, пролетарский, нацистский и рыночный евгенические проекты. Описаны перипетии борьбы между ними.

В четвертом параграфе первой главы «От улучшения к конструированию жизни» рассмотрена современная история конструирования тела и трансформации основных параметров жизни. После того как главным бенефициаром борьбы евгенических проектов оказался умеренный рыночный проект, евгеника вышла из тени, представ в качестве «либеральной евгеники», ориентированной на частную сферу, добровольное информированное согласие и коммерческий спрос. Развитие медицинских технологий привело к возрастанию ожиданий. Например, сторонники концепции технологической сингулярности верят в успех новейшего евгенического проекта. Современные медицинские технологии, считают они, способны радикально изменить человека. Забота о жизни закономерно ведет к размышлениям о ее границах. Человечество стремится к физическому бессмертию. Эта наиболее сложная и, значит, удаленная цель включает в себя ряд промежуточных целей. Биоургия как конструирование и даже апгрейд человеческой жизни встраивается в контекст войны со смертью в логике оптимизации, рационализации и *human bioenhancement* (улучшения человеческого потенциала). Современные ученые и визионеры утверждают, что потенциальная возможность бессмертия человека появится уже к середине XXI в., а трансформация человека уже происходит полным ходом. Показано вслед за рассуждениями М. Каку и Р. Брайдотти, что для человека киборгизация — превращение

в живое существо, слитное с техническими устройствами и дополненное технологиями, неизбежно и происходит прямо сейчас. Рассмотрен биохакинг как актуальное течение, в котором энтузиасты исследований в области биологии (в том числе молекулярной) добровольно и частным порядком (в режиме DIY — do it yourself) осуществляют эксперименты над собою с целью добиться положительного эффекта, сказывающегося на здоровье, трудоспособности, долголетию. Новые возможности завораживают и внушают тревогу. В параграфе сделан вывод, что печальный опыт нацистской биократии вызывает к осторожности в оценке перспектив биоургии.

Во **второй главе «Биополитическое распоряжение жизнью»** рассматривается генезис и сущностные характеристики биополитики — властной формы организации жизни, которая, следуя воззрениям М. Фуко, начиная с XVIII в. приняла форму специализированного управления жизнью населения в государстве современного типа. Выявлены основные параметры биовласти как формы властной организации жизни. В главе проведено исследование инструментария биовласти. Показано, что биовласть производит инверсию во взаимоотношениях власти, человека и жизни. Для суверенной власти характерно прямое отношение власти и человека и опосредованное отношение власти к жизни индивидуума. Напротив, биовласть стремится в ходе реализации программ, охватывающих жизненный цикл человека, непосредственно воздействовать на его жизнь и опосредованно на него самого. В такой ситуации широко используются обезличенные стандарты и практики, находящие свое применение в сферах здравоохранения, образования, военного дела, санитарии, гигиены, охраны труда и т. д. Продемонстрировано, что биовласти присущ двойственный подход к населению. Исходя из утилитарного отношения к населению как ресурсу, объектами пристального внимания биовласти являются и жизнь, и смерть в равной мере. Государство нуждается в многочисленном трудоспособном населении. Однако, если ситуация неожиданно меняется, биовласть способна ухудшить жизненное положение части (всего) населения. Биополитика способна обратиться в танатополитику. Население всегда рассматривается как ресурс в контексте целей, которые биовласть ставит перед собою. Разработана типология биополитических стратегий, реализуемых биовластью: негнантиропная (человекоотрицающая) биополитика; некрополитика и конфирмантропная (человекоутверждающая) биополитика. Продемонстрированы преимущества и недостатки, направления и возможности трансформации биополитических стратегий.

В *первом параграфе второй главы «Биополитика в исторической перспективе»* расширена теоретическая модель М. Фуко, согласно которой рождение биополитики приходится на Новое время. Основываясь на философско-антропологических идеях М. Оякангаса и А. В. Яркеева, показано, что

биополитика обнаруживает себя уже в Античности. Характерные для биополитического регулирования способы и приемы управления рождаемостью, смертностью, здоровьем и продолжительностью жизни встречаются уже в Древней Греции. Более того, на примере концепции «зернового государства» Дж. Скотта показано, что элементы биополитики сопровождают человечество с момента появления государства. Отказ от вмешательства в жизнь человека, характерный для эпохи раннего христианства, сменяется возобновлением биополитических практик в позднем Средневековье. Развитие науки, техники и технологии; новый *jus publicum europaeum*; формирование эффективной бюрократии и полицейского государства заботы о населении, разработками чего была занята «полицейская наука» (*Polizeywissenschaft*), способствуют рождению биополитики в том смысле, какой ему придавал М. Фуко, а именно в качестве широкомасштабного проекта управления населением на основе статистического и научного знания о нём с использованием специализированных институтов и средств воздействия на ключевые жизненные процессы. Сделан вывод о том, что биополитика, зародившись в Древнем мире как явление локальное, пройдя через череду расширений, обрела планетарный характер. Показано, что подобная система технологий и практик распоряжения жизнью входит в арсенал управления человеческим обществом на всём протяжении существования человеческой цивилизации.

Во втором параграфе второй главы «*Сущность биовласти: параметры, инструменты, пределы*» продемонстрировано, каким образом биовласть расширяет средства дисциплинаризации индивида технологиями регуляции основных жизненных параметров населения. Формируется национальное государство, в котором гражданство определяется по факту рождения. Биополитика предстает как феномен властной организации жизни населения, опирающийся на научные, рационально-технические и бюрократические средства управления биологической жизнью людей, объективированных в качестве населения (А. В. Яркеев). Новый тип управления населением приобретает потенциал тотального реформатирования жизни человека во имя предложенных ему целей. Выявлены основные параметры биовласти как формы властной организации жизни, среди которых материальность, телесность, анонимность, децентрализованность и капиллярность, прагматичность, опора на знание, научно-технический и рационально-бюрократический потенциал управления. В параграфе проведено исследование инструментария биовласти. Показано, что радикально новым в применении властных мер воздействия по отношению к человеку стало омассовление объекта воздействия власти. Биовласть обращена не к отдельному индивиду, а к населению. Во-первых, биовласть продолжает широкомасштабно использовать дисциплинаризацию, характерную для дисциплинарной власти. Во-вторых,

в воздействии на население биовласть делает ставку на медиализацию. В-третьих, медиализация позволила ввести стандартизацию, основой которой стало определение нормы и сравнение с ней. Биополитика активно применяет нормирование и нормализацию. Нормирование осуществляет функции отбора и отбраковки на каждом уровне социальной организации. В-четвертых, нормирование и стимулирование создают механизм практической идеализации, способствующий формированию самостоятельного и целенаправленного поведения индивида в поле целей и задач, преследуемых властью. В-пятых, индоктринация — один из важнейших инструментов биополитики. В-шестых, следуя Р. Эспозито, иммунизация как привитие определенной системы реакций на потенциально угрожающий фактор воздействия составляет один из важнейших биополитических инструментов. Обосновано, что основным отличием биовласти от дисциплинарной власти является то, что биовласть стала искать способы непосредственно влиять на «голую жизнь» (Дж. Агамбен). Сделан вывод, что биополитика как технология управления жизнью складывается на стыке рационально-научного осмысления живого, технико-технологического вмешательства в жизненные процессы, бюрократического регулирования населения на основе обнаруженных естественных регуляций и тотализации вовлечения населения в социальные процессы, конструируемые биовластью.

В *третьем параграфе второй главы «Амбивалентность биополитики»* на основании воззрений М. Фуко о том, что оборотной стороной биополитики является танатополитика, предложена типология биополитических стратегий. В типологию включены: негантропная (человекоотрицающая) биополитика — направление биополитики, основу которого составляет авторитарный тип управления, экономическая эксплуатация населения в интересах государства, индоктринация, широкомасштабное использование аппарата принуждения, пренебрежение человекосберегающими технологиями; некрополитика — крайняя форма негантропной биополитики, для которой характерно целенаправленное ухудшение положения и даже уничтожение части населения; конфирмантропная (человекоутверждающая) биополитика — направление биополитики, для которого приоритетны человекосберегающие технологии, а человек рассматривается как ценный ресурс, в который следует целенаправленно инвестировать. Доказано, что, основываясь на прагматичном отношении к населению как к возможности достижения собственных целей, биовласть демонстрирует существенные различия в степени и характере использования столь драгоценного ресурса. В случае конфирмантропной биополитики устанавливается взаимовыгодное сотрудничество между биовластью и населением. Напротив, в рамках негантропной биополитики экстрактивные социальные институты исключают из социальных взаимо-

действий ту или иную часть населения, обращая ее в средство получения выгоды в условиях минимальной пользы для самих людей. Крайние формы негантиропной биополитики приводят к становлению некровласти, воплощающей в жизнь антипод биополитики — танатополитику.

В третьей главе «Биовласть и население: противоречивое единство» показано, что социальная дифференциация и интеграция, основывающаяся на формах, степени и характере инклюзии/экслюзии, определяют содержание и специфику всякого биополитического проекта. При этом всякая биополитическая стратегия исходит из определенной модели человека. Основу форм инклюзии/экслюзии составляет баланс отнесенности/отделенности индивидов друг к другу. Должное их соотношение дает взаимность, порождающую прочную, гибкую, конструктивную социальную связь. Сбалансированные социальные отношения порождают онтологически защищенную личность. Напротив, отсутствие баланса отнесенности/отделенности приводит к диспропорции инклюзии/экслюзии. Продемонстрировано, что антропологическим основанием негантиропной биополитической стратегии является онтологически незащищенный, исключенный индивид, *homo sacer* (Дж. Агамбен). Разрушение комплементарных, реципрокных социальных отношений является триггером для негантиропной биополитики, производящей «лишних людей». Напротив, биополитическим эквивалентом конфирантропных стратегий является *homo comes* (человек-попутчик, человек-компаньон) — тот, кому предоставляется шанс на инклюзию в социальное взаимодействие. В главе продемонстрировано, что ценности, нормы и паттерны жизнедеятельности индивида формируются в процессе социализации и инкультурации с учетом логики инклюзии/экслюзии. Норма является подвижным элементом инкультурации, закрепляющим предпочтительные образцы поведения. Вхождение в культурную среду опирается на такую инклюзивную форму, как «культура себя», раскрывающую свой потенциал через заботу о себе, работу над собой и «работу на себя» (М. де Серто). Забота о себе в конечном итоге является заботой о Другом. Крайние формы заботы о себе, однако, способны превратить человека в «господина-монстра» (В. А. Подорога). Особый интерес представляет отношение биовласти и населения. Показано, что обычными формами отношений между биовластью и населением выступают торг и шантаж. Крайней формой отношений биовласти и населения является гражданская война в диапазоне от латентных форм до открытого вооруженного противостояния. Показано, что отношения биовласти и населения характеризуются неустранимым состоянием напряжения, диалектикой «на месте» (Дж. Агамбен), не имеющей цели ни взаимного уничтожения, ни взаимного слияния сторон в условиях сохранения взаимного давления. Покуда забота о жизни населения сохраняет значение для власти, власть можно рассматривать

как биовласть. Как только телеология власти перестает принимать во внимание население в качестве ресурса, требующего заботы и инвестиций, власть встает на путь танатополитики — «непристойной изнанки» (С. Жижек) биополитики.

В первом параграфе третьей главы «*Антропологические основания биополитики*» проанализированы антропологические основания биополитических стратегий. Установлена связь между биополитическими стратегиями, формами социальной инклюзии/эксклюзии и балансом отнесенности/отделенности индивидов, что создает условия для того, чтобы личность ощущала себя онтологически защищенной / онтологически незащищенной. Онтологически защищенной личности коррелятивна конфирмантропная биополитика. Напротив, онтологически незащищенную личность формирует и эксплуатирует негантропная биополитика. В параграфе представлены механизмы исключения, степень и глубина которых отражаются в широком спектре негантропной биополитики, вплоть до ее нисхождения к уровню некрополитики. Осуществлено противопоставление инклюзивной модели Я/Ты эксклюзивной модели Мы/Они. Рассмотренные механизмы исключения сопоставлены с расизмом в интерпретации М. Фуко. В параграфе представлена галерея биополитических пространств исключения, среди которых плантация, постколониальная администрация, тюрьма, казарма, полицейское государство, тоталитарное общество, рыночное общество. Сделан вывод, что *homo sacer* является антропологическим референтом негантропных биополитических стратегий. Биополитическим эквивалентом конфирмантропных стратегий выступает *homo comes* (от лат. *comes* — попутчик, товарищ, соучастник, спутник).

Во втором параграфе третьей главы «*Человек в биополитической логике включения/исключения*» проанализированы способы и возможности инклюзии/эксклюзии человека в ходе социализации и инкультурации через призму биополитики. Логика исключения и разделения является определяющей для сферы политического, где она выступает как различие друга и врага (К. Шмитт). В культуре можно наблюдать сложную динамику формирования «нормы». Культура всегда предполагает как общепринятые нормы, соответствующие предпочтительному типу поведения, так и отклонения от них. Инкультурация подобна фильтрации, которой подвержены все без исключения члены общества. Биополитика систематически применяет «прессующую силу общества» (Р. Бенедикт), для того чтобы большинство индивидов в обществе соответствовали культурному образцу. Дополнением к стандартизации служит «культура себя», в которой совмещается вхождение в культуру через освоение образцов и автономия. Культура себя — это и само-одомашнивание, и формирование себя по собственной мерке. В культуре

себя важными элементами выступают «забота о себе» (М. Фуко) и «работа на себя» (М. де Серто). Забота о себе может сформировать автономную личность, следующую кантианской логике осознания других как целей в себе, а может сформировать «господина-монстра» (В. А. Подорога), воспринимающего Другого в десадовской логике исключительно средства. В биополитике процесс инструментализации человека может иметь крайние последствия для той или иной социальной группы. Биовласть, обращаясь к суверенному насилию и вставая на путь негантианской биополитики, способна обратить человека-цель в человека-мишень, руководствуясь ситуативными приоритетами. Для иллюстрации этого положения в параграфе анализируется дискурс антипсихиатрии 60–70-х гг. XX в. Рассмотренная логика исключения человека приложена к негантианской биополитике и ее смертоносному расширению — некрополитике. Несмотря на то, что такая модель иногда может показаться эффективной, показано, что в конечном итоге подобные практики контрпродуктивны. Некрополитика формирует континуум форм живой смерти. Обосновано, что конфирмантропная биополитика, рассчитывая на суверенное насилие лишь в крайних случаях, полагается на последовательное вовлечение населения в собственную телеологию, предполагающую учет его интересов. Доказано, что именно эта модель, в которой инклюзия преобладает над эксклюзией, является предпочтительной.

В *третьем параграфе третьей главы «Торг и шантаж как практики отношения биовласти и населения»* показано, что биовласть, заинтересованная в совершенствовании населения, понимаемого как основной ресурс для достижения собственных целей, неизбежно вступает в отношения торга с населением относительно широкого круга жизненно важных для населения проблем. Биовласть идет на уступки и выступает инициатором позитивных изменений. В свою очередь, население, уяснив свое значение, устанавливает такой характер отношений с властью, который можно охарактеризовать как шантаж. Торг и шантаж, несмотря на определенные издержки, являются возможным компромиссом, в рамках которого и биовласть, и население могут рассчитывать на выгоды, невозможные без указанных форм взаимного давления. В конечном итоге именно взаимное давление позволяет реализовывать свои интересы без устранения контрагентов и доведения социальной системы до крайностей негантианской биополитики и некрополитики.

В *четвертом параграфе третьей главы «Гражданская война в контексте отношения биовласти и населения»* рассмотрена крайняя форма отношений биовласти и населения, которой является гражданская война в диапазоне от латентных форм до открытого вооруженного противостояния. Гражданская война обнажает диалектику ойкономики и политики, частного и публичного. Процессам инклюзии/экслюзии отвечают процессы политизации,

деполитизации и реполитизации домохозяйств. Диалектика непрерывного государственного переворота (в логике Г. Ноде организуемого самой властью как децизионистский выход за рамки норм права), являющегося реакцией на непрерывный мятеж (Ф. Бэкон), определяет характер латентной гражданской войны, составляющей матрицу отношений биовласти и населения. Продемонстрировано, что существует возможность такой формы скрытого отношения биовласти и населения, которое протекает исключительно неполитическим образом, но имеет зримые политические последствия. Этот процесс реализуется в условиях, когда позиции власти выглядят исключительно сильными, а население не видит ни причин, ни форм организации, которые бы позволили оказать воздействие на власть. Отсутствие политических средств воздействия населения на власть порождает систематическое бегство в различные культурные, житейские, художественные практики, которые в условиях действия поддерживаемых биовластью всепроникающих социальных институтов реконфигурируют социальное пространство внутри социальных институтов за счет творческой энергии и работы желания индивидов. Ярким примером подобной культурной трансформации является эпоха позднего социализма в СССР. Именно в этот период происходят трансформация социальности, демонтаж идеологического проекта СССР и стремительная пересборка политико-правовой и социально-экономической моделей советского общества, в ходе которых возникает постсоветская Россия. Таким образом, диалектика избегания и эскалации противостояния между биовластью и населением, крайним выражением которого является гражданская война, иллюстрирует перманентно напряженные отношения между биовластью и населением, способствующие при условии сохранения равновесия достижению целей биовласти и одновременно соблюдению интересов населения.

В четвертой главе «Трансформантропная биополитика как будущее биовласти» рассмотрены перспективы биовласти, под влиянием научно-технического прогресса становящейся технобиовластью, осуществляющей трансформантропную биополитику, в основе которой лежит высокий уровень развития науки, техники и технологии, обладающий мощным и актуальным потенциалом изменения человека. Связь между биополитикой и научно-техническим прогрессом прослежена на примере становления «панграфического паноптизма» (М. Фуко) — характерного для биополитики элемента нового типа знания-власти, тяготеющего к детальному, всестороннему, универсальному знанию о населении. Символом знания-власти, культивируемой биовластью, является Паноптикон (И. Бентам). Именно паноптическое видение, панграфическое описание и всеобъемлющее воздействие, опосредованные знанием, составляют сущность биовласти. Продемонстрирован механизм

трансформации биовласти в технобиовласть на пути к идеалу панграфического паноптизма. С этой целью история человечества была интерпретирована как история рационализации, оптимизации, алгоритмизации, обработки «больших данных». На этом пути биовласть, поощряя развитие цифрового Паноптикона, трансформируется в технобиовласть, создающую условия для формирования машиночитаемой и потенциально человекоконсоразмерной цивилизации. Сделан вывод о том, что развитие человека нерасторжимо связано с машинным филумом (Ж. Делез, Ф. Гваттари). Человек в процессе становления технобиовласти оказывается перед серьезным вызовом расчеловечивания, вовлечения раскрытия собственного потенциала в логику машинного филума, которой противопоставлена логика экологии разума (Г. Бейтсон) — взвешенное отношение к технологии для человека и ради сохранения уникального жизненного мира планеты Земля. Обосновано, что последовательное утверждение биовласти позволяет рассмотреть биополитику как процесс непрерывного конструирования человека и человечества. Однако расцвет биополитики уже сейчас оборачивается кризисом биополитики, который может стать предвестником радикальной трансформации этой формы властного вмешательства в жизнь людей. Представляет интерес явление биополитической революции — рост требований масс, осознающих заинтересованность биовласти в себе как ресурсе и ожидающих дальнейшего непрерывного роста благосостояния. Биовласть, находясь под усиливающимся прессингом населения, не удовлетворенного достигнутым уровнем благополучия, может предпочесть поиску компромисса радикальный отказ от изжившей себя стратегии, сделав ставку на синтез высоких технологий и инструментарий суверенной власти. Помимо этого, в главе представлены четыре возможных сценария реализации трансформантропной биополитики: *Homo Animalis*, *Homo Formica*, *Homo Deus*, *Homo Daemon*. В завершении главы выявлено антропологическое значение биополитики.

В первом параграфе четвертой главы «Знание-власть: идеалы, цели и средства» рассмотрено характерное для биовласти стремление к знанию-власти. Обосновано, что для биовласти стремление к знанию — вопрос самосохранения. Биовласть организует себя как сеть сбора и обработки информации. Более того, биовласть трансформирует формулы «Знание — власть» в формулу «Хитрость (разума) — власть». Продемонстрировано, что биополитика в настоящее время приобретает характер трансформантропной биополитики. Для обоснования заложенной в трансформантропной биополитике тенденции к всеобъемлющему знанию и всеохватному контролю использованы концепты Паноптикона, «панграфического паноптизма», машины Тьюринга и наноассемблеров Дрекслера. Для проблематизации возможных результатов трансформантропной биополитики использованы парадоксы

Н. Бострома. Показано, что знание-власть имеет тенденцию к самоаннигиляции человечества, однако, будучи учтенной, подобная тенденция может стать тем фактором, который позволит избежать катастрофы.

Во *втором параграфе четвертой главы «Технобиовласть как агент трансформантропной биополитики»* в рамках обоснования тенденций в развитии трансформантропной биополитики рассмотрены такие явления, возникшие в ходе развития компьютерных технологий, как Big Data, Artificial Intelligence и паноптизм. Биополитика эпохи Модерн сформировала идею полицейского государства как государства попечения о населении ради процветания. Статистика в форме знания государства о самом себе стала инструментом трансформации общества. Тейлоризм разработал систему научного менеджмента по управлению персоналом на промышленном предприятии. Фордизм воплотил тейлоризм в массовом производстве. За фордизмом последовала автоматизация труда. Тейлоризм нашел свое прямое продолжение в цифровых технологиях. Алгоритмизация труда физического нашла продолжение в алгоритмизации труда умственного. Современные вычислительные устройства привели к развитию технологий паноптизма — средств всестороннего изучения, наблюдения и контроля за жизнью человека. Апофеозом паноптизма может явиться создание универсального искусственного интеллекта, достигающего уровня искусственного сверхинтеллекта. Появляющиеся системы тотальной детекции с использованием гаджетов-палантиров уже переформируют поле социальных взаимодействий. Цифровая среда обитания превращает человека в «голую цифровую жизнь». Показано, что биовласть, воплощая в жизнь сценарий трансформантропной биополитики, идет по пути эволюции машинного филума (Ж. Делез, Ф. Гваттари), что вступает в противоречие с сохранением человеком потенциала человечности. Обосновано, что подобная тенденция должна быть переосмыслена и остановлена. Предложены пути возможного решения проблемы.

В *третьем параграфе четвертой главы «Биовласть на пути к технобиовласти»* рассмотрено историческое развитие биополитики, приведшее к современному состоянию, в котором нарастает биополитический кризис и возникают условия для биополитической революции. Экспансия биополитики в XVIII–XIX вв. привела к развернувшейся полномасштабной реорганизации общества в ходе промышленной революции. Массы, изначально востребованные как человеческий материал, необходимый для массового производства, армии, колониальной экспансии, общества массового потребления, выдержав период радикальных преобразований, вступили в торг с властью. Обосновано, что в современном мире наблюдается тенденция, в рамках которой как биовласть, так и население подошли к границам своих возможностей. Дальнейшее усиление требований со стороны населения,

рассматриваемое как биополитическая революция, чреватой контрреволюцией со стороны биовласти, способной отступить к более жестким формам суверенной власти, подкрепляемой современными технологиями. Также показано, что биовласть выступает фактором конструирования человека в самой непосредственной и радикальной форме. В начале XX в. на авансцену идейных течений выступили четыре интеллектуальных течения: политическая теология, психология масс, геополитика, евгеника. В XX в. эти дискурсы конструирования верований, общественных взаимодействий, социального пространства и самой природы человека сами были отредактированы под воздействием биовласти, став биотеологией, биооправом, биокапитализмом и биотехнологией. Обосновано, что биовласть выступает основным фактором конструирования человечества.

В четвертом параграфе четвертой главы «Технобиовласть и будущее человека» рассмотрена проблематика возможных сценариев развития человека и человечества в контексте применения технологий биополитического управления. Трансформантропная биополитика ведет в мир постистории, где человек становится постчеловеком. Рассмотрены четыре возможных сценария: Homo Animalis, Homo Formica, Homo Deus, Homo Daemon. Биовласть делает возможными сценарии в диапазоне между Homo Deus и Homo Daemon. Негантропная биополитика основывается на максиме homo homini lupus. Конфирмантропная биополитика опирается на формулу homo homini homo. Трансформантропная биополитика, опираясь на стремительно растущие возможности технологий, всерьез допускает осуществление максимы homo homini Deus, однако этот исход не предопределен. В заключение параграфа и исследования выявлено антропологическое значение биополитики. Биополитика методом проб и ошибок определяет собственный инструментарий и пределы интенсивности его применения. Но именно этот обобщенный опыт биовласти может быть оценен как вклад в антропологические исследования человека. Для эпохи Модерн характерно представление об активном выведывании тайн природы — ис-пытании природы. Это положение имеет продолжение в биополитике. Биополитика выступает в качестве испытания населения, раскрытия его потенциала настолько, насколько это возможно и допустимо. Воздействуя на население, биовласть непрерывно осуществляет социально-преобразовательную деятельность. Биовласть в непрерывной погоне за могуществом, процветанием и благополучием вступает на путь перманентного социального преобразования. В биополитических практиках формируемый социум опирается на вы-пытанные биовластью способы обращения с населением, за которыми скрывается знание о природе человека, раскрывающее его потенциал социально-приемлемым образом. Кроме того, биополитика моделирует континуум образцов, стандартов,

эталонов, форм жизни (Дж. Агамбен), ориентируясь на которые индивидуум обретает практический ответ на вопрос о возможном и должном поведении. Биополитика предстает в качестве континуума инструментов, институтов и фреймов, направленных на формирование габитусов, удобных для биовласти в рамках ее телеологии. Однако население, приобретая привычки в ходе биополитического воздействия, сохраняет креативный потенциал, в порядке обратной связи воздействующий на биовласть. Биополитика принимает в расчет целостность человека, стремясь эксплуатировать как созерцательно-аполлонические, так и страстно-дионисийские его стороны. Экономия желаний — драйвер биополитики. Между ориентированной на утилитарное использование потенциала населения и надеждой на счастье индивидуума установилась тонкая, но довольно прочная связь — биовласть и население обнаружили друг друга в отношении взаимозависимости, что позволяет надеяться, что конфирмантропная биополитика позволит реализовывать принцип homo homini homo, способствуя раскрытию потенциала человека.

В **Заключении** обобщаются теоретические выводы и результаты проведенного диссертационного исследования.

Основные положения диссертационного исследования опубликованы в следующих работах:

Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертаций:

1. Попов, Д. В. Мем как средство коммуникации, сетевая ценность и фактор развития культуры / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2016. — № 3. — С. 66–71 (0,8 п. л.).

2. Попов, Д. В. Амбивалентность биополитики в современном мире / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2018. — № 4. — С. 35–39 (0,5 п. л.).

3. Попов, Д. В. Метамодерн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья I. Пролиферация норм и разум / М. В. Бавсун, Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2018. — № 4. — С. 62–70 (0,75 п. л. / 1,0 п. л.).

4. Попов, Д. В. Танатальное основание негантропной биополитики / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Вопросы управления. — 2018. — № 4. — С. 14–22 (1,0 п. л.).

5. Попов, Д. В. Метамодерн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья П. Право на задворках духовности / М. В. Бавсун, Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2019. — № 1. — С. 53–62 (0,65 п. л. / 1,1 п. л.).

6. Попов, Д. В. Человек ошибающийся и большие данные: от головного мозга к искусственному интеллекту / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Интеллект. Инновации. Инвестиции. — 2019. — № 2. — С. 89–96 (0,85 п. л.).

7. Попов, Д. В. Биополитический бэкграунд уголовной политики / М. В. Бавсун, Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Философия права. — 2019. — № 4. — С. 75–84 (1,1 п. л.).

8. Попов, Д. В. Сознание как интерфейс в структуре коммуникации / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Манускрипт. — 2019. — Т. 12, вып. 2. — С. 54–60 (1,0 п. л.).

9. Попов, Д. В. История паноптизма: от оракулов к палантирам / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Манускрипт. — 2019. — Т. 12, вып. 6. — С. 166–171 (0,75 п. л.).

10. Попов, Д. В. Биополитика и технология: формы и инструменты негнотропной и конфирмантропной стратегии / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2019. — № 1. — С. 38–41 (0,55 п. л.).

11. Попов, Д. В. Кризис реципрокности: трансформация биополитики в некрополитику / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Философия права. — 2019. — № 1. — С. 91–100 (1,05 п. л.).

12. Попов, Д. В. Современная онтология: интерфейс и реальность / П. В. Векленко, Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2019. — № 2. — С. 67–73 (0,75 п. л. / 0,75 п. л.).

13. Попов, Д. В. Основной вопрос философии: соотношение реальности и симуляции / П. В. Векленко, Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Манускрипт. — 2019. — Т. 12, вып. 8. — 2019. — С. 129–134 (0,75 п. л. / 0,75 п. л.).

14. Попов, Д. В. Биополитический эквивалент человека: от унтерменша до сверхчеловека, от хоббита до орка / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Евразийский юридический журнал. — 2019. — № 9. — С. 434–441 (1,2 п. л.).

15. Попов, Д. В. Трансформантропная биополитика и экология разума / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Евразийский юридический журнал. — 2019. — № 10. — С. 456–462 (1,05 п. л.).

16. Попов, Д. В. Практическая идеализация в биополитике / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2019. — № 4. — С. 39–43 (0,5 п. л.).

17. Попов, Д. В. Создание Концепции национальной системы биометрической идентификации личности / С. А. Баженов, В. Е. Дивольд, А. А. Морозов, Д. В. Попов, Д. М. Сафронов, А. В. Серов. — Текст : непосредственный // Труды Академии управления МВД России. — 2020. — № 2. — С. 41–53 (0,6 п. л. / 1,35 п. л.).

18. Попов, Д. В. Рождение биополитики: от муштры тела к заботе о жизни / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Евразийский юридический журнал. — 2020. — № 3. — С. 423–429 (1,1 п. л.).

19. Попов, Д. В. Пешком с М. де Серто, или Инструкция по выживанию для городского автостопщика / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2020. — № 2. — С. 40–44 (0,55 п. л.).

20. Попов, Д. В. Амфиболия «казнить нельзя помиловать» как фигура неопределенности биополитической стратегии в России / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Евразийский юридический журнал. — 2020. — № 6. — С. 456–462 (1,25 п. л.).

21. Попов, Д. В. Политическое молчание: формы, значение, пути инклюзии в политическую речь / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Манускрипт. — 2020. — Т. 13, вып. 8. — С. 164–169 (0,85 п. л.).

22. Попов, Д. В. Власть, полиция и население в логике биополитических стратегий / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2020. — Т. 26, № 3. — С. 41–50 (1,1 п. л.).

23. Попов, Д. В. Развитие инструментов биополитической регуляции населения как основание кризиса биополитики / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2020. — № 4. — С. 39–44 (0,8 п. л.).

24. Попов, Д. В. От конструирования к апгрейду жизни: расцвет или кризис биополитики? / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Человек. — 2020. — Т. 31, № 6. — С. 68–86 (1,15 п. л.).

25. Попов Д. В. Vita Covida: антропный коллапс и биополитический кризис / П. В. Векленко, Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Знание. Понимание. Умение. — 2020. — № 4. — С. 59–72 (1,15 п. л. / 1,15 п. л.).

26. Попов, Д. В. Метамодерн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья III. Амбивалентность права в контексте биополитической стратегии

государства / М. В. Бавсун, Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2021. — № 1. — С. 66–74 (0,6 п. л. / 1,0 п. л.).

27. Попов, Д. В. Хронополитика как политическая онтология времени (биополитический аспект). «Круглый стол» кафедры философии и гуманитарных дисциплин совместно с Удмуртским филиалом Института философии и права УрО РАН (4 декабря 2020 г.) / Д. В. Попов, Н. Б. Полякова, А. А. Шадрин, А. В. Яркеев. — Текст : непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. — 2021. — Т. 31, вып. 1. — С. 5–18 (1,25 п. л. / 1,6 п. л.).

28. Попов, Д. В. Поворот от суверенной власти к биовласти в творчестве Ф. Кафки: антиномия приговора и процесса / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2021. — № 2. — С. 51–56 (0,7 п. л.).

29. Попов, Д. В. Биополитика в роли «Пятого персонажа» в процессе редактирования человечества / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Человек. — 2021. — Т. 32, № 6. — С. 166–177 (1,0 п. л.) (Scopus)

30. Попов, Д. В. К вопросу о рождении биополитики: загадка, которую не замечают / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2022. — № 1. — С. 82–93 (1,45 п. л.).

31. Попов, Д. В. Vita COVIDa как биополитическая модальность жизни в пандемию / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Социологическое обозрение. — 2022. — Т. 21, № 2. — С. 82–104 (1,75 п. л.) (Web of Science, Scopus)

32. Попов, Д. В. Биополитическая революция: pro et contra / А. В. Яркеев, Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Политика. — 2022. — № 2. — С. 6–23 (1,25 п. л. / 1,25 п. л.) (Web of Science)

33. Попов, Д. В. Искусственный интеллект: между человечностью и бесчеловечным / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Дискурс-Пи. — 2022. — Т. 19, № 3. — С. 138–156 (1,35 п. л.).

34. Попов, Д. В. Апофатический и катафатический пути советской политической теологии / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Социология власти. — 2022. — Т. 34, № 2. — С. 44–71 (1,45 п. л.).

Монографии:

35. Попов, Д. В. Биовласть и жизнь: философско-антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики : моногр. / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный. — Омск : Омская академия МВД России, 2021. — 144 с. (8,4 п. л.).

Иные публикации:

36. Попов, Д. В. Геополитика, биополитика, религия / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Религиозная ситуация в российских регионах : тезисы докладов и сообщений всероссийской научно-практической конференции. — Омск : Омская академия МВД России, 2016. — С. 62–64 (0,15 п. л.).

37. Попов, Д. В. Человек в «Черном зеркале» (об издержках дигитальной технолатрии) / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Реальность. Человек. Культура: трансформация человека : VIII Ореховские чтения. — Омск : Омский государственный педагогический университет, 2016. — С. 121–123 (0,25 п. л.).

38. Попов, Д. В. Квазирелигиозные системы в научной фантастике / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Религиозная ситуация в российских регионах : тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. — Омск : Омская академия МВД России, 2018. — С. 23–29 (0,35 п. л.).

39. Попов, Д. В. Неопределенность права в контексте неопределенности биополитической стратегии в современном мире / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Онтология и аксиология права : тезисы докладов и сообщений Девятой международной научной конференции. — Омск : Омская академия МВД России, 2019. — С. 48–54 (0,4 п. л.).

40. Попов, Д. В. Датаизм — квазирелигиозное расширение трансформантропной биополитики / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Религиозная ситуация в российских регионах : тезисы докладов и сообщений Седьмой всероссийской научно-практической конференции. — Омск : Омская академия МВД России, 2020. — С. 25–31 (0,35 п. л.).

41. Попов, Д. В. «Окончательная смерть» биополитики как сумма технологии в «Видоизмененном углероде» Р. Моргана / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Пятое Лемовские чтения : сборник материалов Международной научной конференции. — Самара : Самарская гуманитарная академия, 2020. — С. 398–404 (0,6 п. л.).

42. Попов, Д. В. Потенциал прошлого в биополитической матрице современного «Парка культуры» / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Познание и деятельность: от прошлого к настоящему. — Омск : Омский государственный педагогический университет, 2020. — С. 419–424 (0,3 п. л.).

43. Попов, Д. В. Конструирование рациональности в биополитике / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // Философские контексты современности: принцип ratio и его пределы. ФИКОС 2020 : сборник статей I Международной научно-практической конференции. — Ижевск : Удмуртский университет, 2020. — С. 237–242 (0,6 п. л.).

44. Попов, Д. В. *Altissima raupertas* в биополитическом пространстве чрезвычайного положения / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // *Онтология и аксиология права : тезисы докладов и сообщений международной научной конференции*. — Омск : Омская академия МВД России, 2021. — С. 38–44 (0,35 п. л.).

45. Попов, Д. В. Проблематика полиции и применения полицейской силы в биополитике / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // *Актуальные проблемы полицейского права : материалы международной научно-практической конференции*. — Омск : Омская академия МВД России, 2021. — С. 231–234 (0,2 п. л.).

46. Попов, Д. В. Биополитический поворот в праве: от юридико-институциональной модели к биоправу / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // *Российский девиантологический журнал*. — 2021. — Т. 1, № 2. — С. 203–214 (1,3 п. л.).

47. Попов, Д. В. Суверенная бюрократия в литературе: искажение как метафизика бюрократии / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // *Познание и деятельность: от прошлого к настоящему*. — Омск : Омский государственный педагогический университет, 2021. — С. 348–351 (0,3 п. л.).

48. Попов, Д. В. Искусственный интеллект, человек и «бесчеловечное» / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // *Философские контексты современности: искусственный интеллект и искусственная интуиция. ФИКОС 2022 : материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*. — Ижевск : Удмуртский университет, 2022. — С. 206–210 (0,2 п. л.).

49. Попов, Д. В. Философия права в «новом цифровом мире»: зримое отсутствие или незримое присутствие? / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // *Право и политика: история и современность : материалы Девятой Международной научно-практической конференции (25–26 ноября 2021 г.)*. — Омск : Омская академия МВД России, 2022. — С. 73–78 (0,25 п. л.).

50. Попов, Д. В. *Animal laborans* в биополитическом пространстве корпоративной религии / Д. В. Попов. — Текст : непосредственный // *Религиозная ситуация в российских регионах : тезисы докладов и сообщений Восьмой всероссийской научно-практической конференции*. — Омск : Омская академия МВД России, 2022. — С. 79–87 (0,4 п. л.).

51. Попов, Д. В. Цифровая биомедицина и надзорный капитализм в логике биополитического управления / Д. В. Попов. — Текст : электронный // *Медицинская антропология и биоэтика*. — 2022. — № 2 (1,0 п. л.) (https://medanthro.ru/?page_id=6239).

Подписано в печать 26.01.2023. Формат 60 × 84/16.

Бумага офсетная. Печать оперативная.

Печ. л. 2,5. Уч.-изд. л. 2,5.

Тираж 100 экз. Заказ М-191.

Издательство ОмГПУ.

Отпечатано в типографии ОмГПУ,

644099, Омская обл., г. Омск,

наб. Тухачевского, 14, каб. 115, тел. +7 (3812) 23-57-93.